

тропарей (τροπάριον). Ирмос всегда более древнего происхождения, чем сам канон, и представляет собой фрагмент какого-либо старого церковного песнопения. Постановкой ирмосов во главе песен канона достигалась двойная цель. Во-первых, таким путем сохранялась гимнографическая традиция — старый напев, старый размер и старый текст, поскольку ирмос служил образцом формы для последующих строф-тропарей; во-вторых, задачей ирмоса было связать по содержанию оду канона с соответствующим ветхо- или новозаветным гимном (слово «ирмос» по-гречески и означает «сцепление», «связь»), и, значит, наличие ирмоса избавляло автора нового канона от этой задачи, делало его тематически свободным. Ирмосы, каждый со своей музыкально-интонационной нотацией, были вынесены в особую книгу — Ирмологий. Потому творцы канонов могли, не создавая новых, не переписывать и старых ирмосов, а просто в начале од своего произведения указывать тот или иной из них по его первым словам; например: «Вооружена фараона», «Яко по суху», «Утвержий небеса», «Христос мне сила» и др.

3. Гимнография у славян

Литургические книги гимно- и эвхографического содержания были одними из первых, переведенных на славянский язык.²⁵ Переводчики старались быть предельно точными в передаче того, что написано по-гречески, повторяя даже порядок слов и составные слова оригинала.²⁶ Конечно, некоторые формальные тонкости и акrostихи оригинала при этом пропадали, но тем не менее произведения эти оставались высоко поэтичными. И это — заслуга переводчиков.²⁷ Теперь уже «можно считать поколебленным обычное утверждение, будто „славянские переводчики, не обращая внимания на переводимый текст как на произведение греческой поэзии, конечно, не соблюдали в своем переводе размера стихов (Ягич)“».²⁸ Однако точное воспроизведение строения греческого гимна в переводе — большая редкость. Как и сейчас, переводчики стремились сохранить прежде всего смысл, дух и главные художественные достоинства произведения.

Иногда конструкция тропаря на славянском — особенно ирмосов²⁹ — весьма близко подходит к конструкции той же строфы на греческом,

²⁵ См.: A. Dostál. *Origins of the Slavonic Liturgy*. — *Dumbarton Oaks Papers*, v. XIX, 1965, p. 73.

²⁶ Например: «благосеннолиствнный» — εὐσκήφυλλον; «кореносечный» — ῥιζοτόμος «подвигуначальник» — σταδιάρχης; «явесказательный» — ἀριθηλος. (См.: Амфилохий, архим. О греческом кондакаре XII—XIII века Московской синодальной библиотеки сравнительно с древним славянским переводом. СПб., 1869).

²⁷ «Словарная близость, — пишет Р. О. Якобсон, — ... не может служить доводом против стихотворности перевода. Незамысловатая фраза „The mean dog suddenly died“ дает в дословном русском переводе варианты от четырех до четырнадцати слогов: „злой пес вдруг сдох“ и „свирепая собака внезапно околела“; буквальная передача прозаической английской фразы может вылиться в пятистопный ямб с классической цезурой на второй стопе: „Свирепый пес внезапно околел“. ... Во всяком случае, игнорировать творческие возможности близко примыкающего к подлиннику и тем не менее художественного перевода было бы так же ошибочно, как отрицать живописное своеобразие древнерусских или южнославянских фресок и икон, внимательно следующих византийским образцам». (Р. Якобсон. Похвала Константина Философа Григорию Богослову. — «Slavia», XXXIX, 3, 1970, стр. 361).

²⁸ Р. Якобсон. Заметка о древнеболгарском стихосложении. — ИОРЯС, 1919, т. XXIX, кн. 2, стр. 354.

²⁹ Ирмосы принадлежат к древнейшему слою переводов, созданному, вероятней всего, под руководством и при участии самого Мефодия. См.: R. Jakobson. *Methodius' Canon to Demetrius of Thessalonica and the Old Church Slavonic Hirmoi*. — *Sborník prací Filosofické fakulty Brněnské University, Ročník XIV—1965, Brno, 1965, p. 117.*